

1917 – 2017

С.В. ЦИРЕЛЬ

Русская революция как альтернатива христианской Реформации

Революция 1917 г. была по своей природе реформационной как Нидерландская или Английская революции XVI–XVII вв. или Иранская революция 1979 г. Однако из-за неготовности Православной церкви к Реформации в период перехода страны к массовой грамотности и одновременно нарастающего земельного голода основной идеей революции стало не христианское обновление, а достижение равенства и справедливости путем раздела земли и другой собственности по едокам при дехристианизации страны, несмотря на возникновение множества религиозных движений (прежде толстовства), раскольничьих и протестантских сект. Поэтому столыпинская реформа, скорее всего, была не защитой от революции, а приближением к ней, так как шла вразрез с настроениями и низших сословий центральной части России, и левой интеллигенции. Участие в Первой мировой войне было рискованным, но, по-видимому, единственным возможным методом сменить “передельный” социальный протест на националистический угар. Однако военные поражения лишь превратили медленный спуск в стремительный обвал, дискредитировав не только царскую семью и церковных иерархов, но и всю систему социального устройства России, от частной собственности до монархической власти.

Ключевые слова: русская революция, дехристианизация, Реформация, справедливость, равенство, рост грамотности, неприятие частной собственности, Первая мировая война, реформа Столыпина.

Реформация – закономерность развития мыслящего человека

Основная идея этой статьи состоит в том, что Русская революция – это альтернатива Реформации, не сама Реформация в классической западноевропейской форме, но ее аналог, несколько иное, но типологически сходное явление. Причем, говоря о Русской революции, я имею в виду в первую очередь именно Октябрьскую революцию, а не Февральскую, открывшую к ней дорогу. В этом контексте в Октябрьскую революцию включаются не только и не столько переворот, совершенный большевиками в Петербурге 24–25 октября, но также сожженные летом 1917 г. помещичьи усадьбы, “триумфальное шествие советской власти” по центральной части России в конце 1917 г. и оглушительная победа социалистических партий на выборах в Учредительное собрание, которые в сумме, включая большевиков, эсеров, национальных демократов и др., набрали более 90% голосов [Всероссийское... 2014].

Цирель Сергей Вадимович – доктор технических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского горного университета. Адрес: 119106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д. 2.
E-mail: tsirel58@gmail.com

Идея об аналогии между Октябрьской революцией и Реформацией уже проводилась рядом исследователей. Однако, как будет показано ниже, эта аналогия понималась либо чересчур буквально “большевизм — аналог протестантизма”, трактуемого в духе М. Вебера, либо весьма обобщенно, в отрыве от реалий той единственной Реформации, которую принято называть с прописной буквы. Поэтому стартовой точкой моих рассуждений станет представление о религиях вообще и более всего об авраамических религиях и их эпохах реформации и возрождения (во множественном числе)¹.

Первый пункт моих рассуждений — отличие авраамических религий от религий Восточной и Юго-Восточной Азии. Любой учебник по религиоведению показывает, что авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам и близкие к ним многочисленные секты и движения) соединяют в себе очень многие, казалось бы, далекие друг от друга компоненты духовной и социальной жизни человечества. Можно указать на космогонический миф, проблемы жизни и смерти, моральные нормы и поиск безусловных авторитетов, социальную организацию, поддержку людей в трудные минуты и отчасти потребность в различных магических действиях (гаданиях, предсказаниях, приворотях, оберегах и др.). В принципе нет никакой обязательности в том, чтобы все эти черты соединялись в едином социальном феномене. В современном мире многие верующие и полuverующие люди выбирают лишь то, что они готовы отдать на откуп религии или, напротив, получить от нее. А готовые принять весь список называются фундаменталистами и зачастую обвиняются остальными верующими и неверующими в неадекватности. Однако такое объединение всех сторон духовной жизни и многих явлений общественной жизни, свойственное авраамическим религиям и близким к ним религиозным течениям отнюдь не распространяется на весь мир.

Дальше всего от них находится религиозная ситуация в Китае, где уже давно сосуществуют три основные религии-идеологии, а в полный список входят и новые идеологии (например, маоизм), и поклонение предкам-духам. Глубокое различие с авраамическими религиями не позволяет этнографам дать согласованную оценку религиозной ситуации в Китае. Он объявляется то атеистической страной, то конфуцианской (при этом конфуцианство часто называют религией), то буддистской. В меньшей степени это относится к другим странам Дальнего Востока, включая даже Корею. В определенном смысле промежуточное положение между Китаем и западноевразийской ойкуменой занимает Индия, где компоненты духовной жизни разделены между троицей основных богов и их многочисленными инкарнациями.

Однако в дальнейшем речь пойдет только об авраамических религиях, и предшествующий текст был направлен лишь на то, чтобы показать, что их структура верований не единственно возможна, что именно их особенности определяет характер влияния на различные стороны общественной жизни, вплоть до идейных движений, провоцирующих революции. Опустим также очень важный этап существования авраамических религий — период их формирования или усвоения. В его ходе вызревают самые бурные чувства — от абсолютной веры вплоть до готовности к мучительной и позорной смерти до полного неприятия, гонений и ненависти. Начнем с тех времен, когда авраамическая религия сложилась, стала господствующей в полуграмотном или даже преимущественно безграмотном обществе. Естественно, тогда тексты священных книг, сложная система заповедей и догматов уходят на второй план, становясь достоянием клириков. А на первый план выходят различные ритуалы, вплоть до поклонения разнообразным идолам (иконам, статуям, амулетам, реликвиям), вообще говоря, не рекомендуемого или даже строго запрещенного канонам.

Обряды вытесняют интеллектуальные и моралистические составляющие, и обрядовереие становится нормой религиозной жизни. Кроме того, духовные потребности малообразованных людей (да и не только их) требуют гадательных и магических практик, в том числе магических способов борьбы с различными бедами, спасения от напастей,

¹ Для сокращения объема статьи в этом отрезке текста мне приходится практически отказаться от ссылок на иные мнения, даже основанные на обширной эмпирике.

любовных приворотов и техник ловли удачи, которыми авраамические религии исходно бедны. Поэтому в них вписываются различные чудотворцы, разнородные магические обряды. Наряду с обрядами, инкорпорированными в религию на ее ранних стадиях, сохраняются, живут, трансформируются и развиваются языческие духовные практики. Приверженность авраамической религии, например христианству, превращается в двоеверие, причем борьба с явно нехристианскими обычаями зачастую заканчивается фактическим поражением первоначальной догмы, соединением явно нехристианских практик с христианскими. При этом суммарная двоеверная религия становится настолько бессвязной и противоречивой, что собственные противоречия и проблемы исходной религии вроде теодицеи или проблемы свободы воли отходят на второй план и не осознаются большинством прихожан.

Несвязанность и противоречивость духовных практик, разумеется, не имеют жесткой обязательной связи с пышностью богослужений, ростом благосостояния самой церкви и ее священнослужителей, коррупцией и симонией. Но, как правило, растущая свобода от исходных заповедей и догматов облегчает и сбор дани с прихожан, и тесные контакты с властью имущими, и накопления богатств, прежде всего земельных, и торговлю отпущениями грехов и вечным блаженством.

Такое двоеверие, вполне уютное для необразованного большинства и выгодное для разнообразных грешников высокого и низкого происхождения, не устраивает людей с большими духовными запросами, более высоким образованием и более рациональным складом ума. Пока таковых мало, им надо искать свое место среди клира, идти в монастыри, уезжать в большие города и далекие страны, основывать новые конфессии (секты). Однако в силу развития форм проповеди или общего подъема образования — двух различных явлений, но объединенных неприятием обрядоверия, двоеверия и торговли спасением, — духовная обстановка общества меняется, причем весьма различными способами. Чаще всего духовный подъем, вызванный локальными действиями проповедников и просветителей, затухал после их смерти, в лучшем случае чуть отдалив общую ситуацию от обрядоверия и двоеверия. Другой возможный исход состоял в создании новой монастырской общины, секты, духовного кружка и др., отделенных от основной массы верующих.

Противоположный ответ, но также весьма возможный, заключался в том, что столкновение двух (или более) форм веры вообще отдаляло от религии наименее религиозных или наиболее логично мыслящих людей. При этом слабость обрядоверия — двоеверия могла быть так явна, что отход от религии (конечно, не переходящий в атеизм или агностицизм), безразличие к ней могли захватывать широкие слои людей и подрывать основы областного или государственного единства. Вместе с тем обращение широких слоев населения к основам религии, обличение духовников, погрязших в невежестве, разврате, симонии, забвении высших ценностей и духовных основ собственной религии иногда приводили к отстранению наиболее одиозных фигур клира и некоторому очищению всей религиозной жизни.

Выбор того или иного варианта изменения духовной атмосферы общества существенно зависит от двух факторов: уровня грамотности населения и отношения властей к богатству церкви и ее покушениям на прерогативы светской власти. Однако в неподвижной и/или циклической истории все перечисленные варианты всплеск духовных перемен в масштабах долгих десятилетий и даже столетий не приводили к существенным переменам, а в масштабе долгих веков, наоборот, не останавливали деградации религии и роста готовности к массовому обращению в иную веру.

В какой-то момент эти перемены вызывают действие мощных положительных обратных связей. Рост грамотности населения порождает все большее недоверие к погрязшей в обрядоверии и симонии церкви, а попытки самостоятельно дойти до божественных истин, изложенных в священных книгах и сочинениях благочестивых проповедников, стимулируют рост грамотности. Растущее отдаление мирян, прежде всего наиболее образованных и влиятельных, от церкви, находящее поддержку у наиболее чистых, образованных или попросту неуживчивых и честолюбивых деятелей

внутри церкви, стимулирует власть (реже — противостоящие им контрэлиты) на борьбу за церковные земли и иные богатства. А в ситуации сопротивления вмешательства церкви в вопросы светской власти стимулируют политическую активность новых религиозных деятелей, борьбу за превращение светской власти в теократию. Конфликты церковных и светских властей, правящих элит с контрэлитами расшатывают правящие режимы, вызывают брожение среди грамотного и неграмотного народа и провоцируют формирование революционных ситуаций. И хотя Реформация как одно из важнейших и сложнейших духовных течений и событий европейской истории не может быть полностью уложена в описание, приведенное выше, для дальнейших рассуждений, посвященных связям Реформации и революций, оно станет основным, направляющим нить повествования.

Различные мнения о связи Русской революции и Реформации

Так как вопрос об аналогии реформационных революций Нового времени и Русской революции уже несколько раз поднимался, то прежде всего перечислим основные существующие подходы. Г. Рормозер находил сходство напрямую между либеральным предбуржуазным духом классической Реформации и социалистическим мессианским духом Русской революции [Rohrmoser 1989]. В. Цымбурский проводил сверхширокую аналогию между “городскими революциями” от Древнего Египта до наших дней (переходами от сельского к городскому образу жизни) и Русской революцией, которая в его понимании была радикализацией уже шедших процессов урбанизации России [Цымбурский 2007]. Наиболее подробно аналогия между Октябрьской революцией и Реформацией проведена В. и З. Жукоцкими которые, вслед за Рормозером видели близость антибуржуазных мотивов Реформации (анабаптисты, гуттериты и др.) и Русской революции, но в отличие от него отмечали сходство самого характера перехода от обрядового двоеверия к поискам единой истины [Жукоцкий, Жукоцкая 2008]. Для иллюстрации своих тезисов они ссылаются на П. Милюкова, который, по их мнению, очень точно выразил суть церковной реформации как универсалии: “...процесс религиозного развития состоял в постепенной спиритуализации религии, в постепенном превращении религии обряда в религию души” [Милюков 1994, с. 103]. Для точного описания понимания Жукоцкими сути Революции-Реформации приведу еще один отрывок из книги Милюкова, цитируемый Жукоцкими, достаточно близкий не только им, но и мне, причем описывающий не только Реформацию, но и переход реформационного религиозного подъема в индивидуальную веру, балансирующую на границе с внерелигиозными этическими исканиями и агностицизмом. Милюков выделяет две ступени церковной реформации, из которых складывается в конечном счете иррелигиозный вектор всей дальнейшей культурной эволюции: «На первой (ступени) отрицается церковное предание, и религию считают возможным построить по непосредственным указаниям ее Основателя: на Евангелии. Эта ступень протеста против средневекового формализма соответствует евангелическому христианству германского мира. На второй ступени и Евангелие признается излишним посредником между людьми и Богом. Сношение с божеством считается возможным устроить непосредственно: “в Духе” поклоняться Богу и в собственном духе находить Его отражение. Сердце каждого истинного христианина признается, таким образом, обиталищем Св. Духа. На этой ступени вера разрывает всякую связь с преданием и с Писанием, — следовательно, вообще сходит с почвы положительной, откровенной религии и превращается в так называемое духовное христианство» [Милюков 1994, с. 103–104]. Однако, глубоко анализируя аналогии между католической Реформацией и Серебряным веком, символистами, антибуржуазными настроениями предреволюционной и послереволюционной русской интеллигенции, Жукоцкие едва касаются причин, почему настроения, столь похожие на классическую Реформацию, охватили не только русскую интеллигенцию, но и миллионы полуграмотных российских рабочих и крестьян.

Процессы формирования предреформационной ситуации в России

Поэтому, отдавая должное глубине анализа духовных течений, проделанному Жу-коцкими, оказавшему влияние на мои взгляды, хотя и не соглашаясь с их образом В. Ленина как новой инкарнации М. Лютера или Ж. Кальвина, изложу свою точку зрения, существенно более материалистически описывающую предреволюционную Россию. Начну с известных фактов.

Первые попытки “хождения в народ”, то есть революционной агитации крестьянства городскими революционерами (народовольцами) в 1870 г. закончились полным провалом. Им не удалось поднять практически ни одного восстания, а значительная часть таких попыток кончалась сдачей смутьянов в полицию самими крестьянами. Но всего через 30–40 лет в 1905–1906 гг. во время Первой русской революции аналогичная агитация уже имеет немалый успех. Идет брожение, то там, то здесь полыхают помещичьи усадьбы, на первых выборах в Государственную думу крестьяне преимущественно выбирают представителей левых партий. В 1906 г. выбранные в первую Государственную думу депутаты от крестьян вошли в основном во фракцию “трудовиков”, занимавшую весьма левые позиции, либо поддержали леволиберальную партию кадетов. Летом 1917 г. крестьяне и самовольно вернувшиеся с фронта военнотруженики крестьянского происхождения по всей России жгут помещичьи усадьбы, делят землю по едокам и зовут на помощь эсеров для составления текстов, формулирующих их требования.

Что же случилось за этот весьма короткий срок? Как указывалось в предыдущем разделе, одной из главных движущих сил Реформации был рост грамотности. Именно на пореформенное время приходится резкий рост грамотности населения России (см. [Рашин 1956]). Если ограничиться только русскими губерниями и пренебречь весьма значительными географическим различиями (близость к столицам, высокий процент крестьян, занятых отхожими промыслами, что резко увеличивало уровень грамотности), то можно принять следующие приближенные оценки (см. табл.).

Таблица

Уровень грамотности российского населения

Годы	Деревня		Город	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1860-70 гг.	8-12%	2-5%	45-50%	25-30%
1897 г.	25%	10%	55%	35%
1908-1913 гг.	35-40%	12-15%	60%	40%

Источники: [Рашин 1956; Миронов 2003; Миронов 2012].

При этом среди наиболее активных людей молодого и среднего возраста (от 15 до 40 лет) грамотность была примерно в 1,5 раза выше, чем в среднем по России: в частности, процент грамотных, принятых на военную службу с 1874 по 1912 г., возрос с 21% до 68%. В Петербурге и Москве к началу революции среди молодых людей процент грамотных составлял 85–90%, то есть можно уже говорить о минимальном владении грамотой как о норме.

Второе принципиальное изменение – растущая нехватка земли, вызванная резким ростом населения (в два с лишним раза в европейской части России). По оценкам С. Нефедова, из-за этого, а также из-за роста экспорта даже при увеличении суммарных урожаев сократилось потребление хлеба у большей части крестьянства [Нефедов 2005; Нефедов 2011; Нефедов 2014]. Особенно сильно сократилось потребление мяса и молочных продуктов сельским населением, ибо распашка лугов и вырубка лесов резко уменьшили площади для выпаса скота и даже численность поголовья крупного рогатого скота. Несмотря на сокращение поголовья скота, перевозки мяса существенно выросли

[Давыдов 2016], что говорит об увеличении “продовольственного расслоения”: рацион наиболее бедных слоев становился более однообразным на фоне улучшения качества питания средних и зажиточных слоев. Надо отметить, что в этом отношении Россия начала XX в. мало отличалась от Европы XVIII–XIX вв. [Монтарани 2009]. Унификация методов ведения сельского хозяйства и узость рациона увеличивали суммарное производство калорий и стимулировали рост народонаселения, но также увеличивали риск голода в годы неурожая базовых культур (самый яркий пример – картофельный голод в Ирландии 1845–1849 гг.). Хотя большое разнообразие природных и климатических условий России, а также возможность прибавки внутреннего потребления за счет сокращения экспорта зерна предохраняли от таких страшных голодовок, но не мешали возникновению периодических вспышек голода и не предотвратили катастрофического голода 1921 г., произошедшего при сокращении посевных площадей и общем расстройстве народного хозяйства.

Более тонкий расчет, учитывающий, во-первых, изменение возрастного состава населения (рост доли детей и подростков) и, во-вторых, резкое сокращение занятости крестьянства тяжелым физическим трудом (по разным оценкам, она составляла в начале XX в. от 40–50 до 70–80% от нормы середины XIX в.) уменьшало потребность в потреблении калорий, но фактически снижения “удовлетворения в потреблении калорий”, по-видимому, не наблюдалось. Более того, стремительный резкий рост народонаселения, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни и возможное увеличение среднего роста призывников (см. дискуссию на эту тему в [О причинах... 2010; Миронов 2012; Нефедов 2014]) говорят о том, что общая обеспеченность продовольствием и медикаментами росла, а не сокращалась. Однако бедность основной части крестьянства (“бедняков” и “средняков”), сопровождающаяся снижением занятости, однообразием питания, непроходящей угрозой голода на фоне резкого роста благосостояния более обеспеченной части крестьян и большинства горожан порождали зависть и ненависть, подталкивали крестьян к идеям всеобщего передела земли и прочей собственности.

Политические деятели и публицисты несоциалистического направления указывали на бесперспективность всеобщего передела и вред от уничтожения наиболее успешных хозяйств (помещиков, богатых крестьян, живших в деревнях или на отдельных хуторах). Крестьянское сословие к тому времени уже выкупило большую часть земли у бывших помещиков. Несложные расчеты показывали, что полный переход пахотных помещичьих земель в крестьянские руки давал прибавку лишь от 10 до 30% по разным губерниям и не мог принципиально решить проблему. Решение проблемы, как показывает мировой опыт, лежало скорее в урбанизации, в переходе к городским занятиям и резкой интенсификации землепользования [Мионов 2003]. Однако крестьяне хотели получить не только господскую землю, но и всю прочую, включая землю хуторян, вышедших из общин, и разделить ее поровну “по едокам”. Идея уничтожения частной собственности затронула не только сельское, но и городское население, так называемые “секвестры”, то есть временные национализации самых крупных военных заводов горячо поддерживались большинством рабочих [Поликартов 2008] и впоследствии послужили прототипом советской национализации. К этому необходимо добавить, что введение карточной системы распределения продовольствия и товаров первой необходимости во многих воюющих странах Европы, хотя и не оказало непосредственного влияния на настроения российской деревни, но все равно тем или иным образом (например, через социалистических агитаторов) доходило до фронтовиков и жителей больших городов и усиливало стремление к национализации и/или черному переделу. Таким образом, можно зафиксировать два объективных обстоятельства:

- резкий рост грамотности, особенно среди молодого населения;
- возрастающая нехватка земли, резко сократившаяся занятость крестьянства, стагнация уровня жизни большей части крестьянства и растущее расслоение доходов низших сословий населения России.

К этому следует добавить рост городского населения, прежде всего за счет временного полугородского-полусельского, проводившего одну часть года в городе и занятых

там малоквалифицированным и плохо оплачиваемым трудом, а другую — в деревне, где многие из них вообще не имели регулярных занятий из-за нехватки земли и отсутствия тягловой силы (лошадей). Именно в этих условиях формировалась альтернатива русской Реформации, о которой шла речь выше.

Переход от предреформационной ситуации к аналогу Реформации

Прежде всего следует отметить, что на первом плане в большей части работ как леволиберальных публицистов того времени, так и современных историков лежало другое противоречие — между царским режимом (с его двором, слабеющим дворянством, различными черносотенными квазинародными организациями) и либеральными настроениями буржуазии и интеллигенции. Видимый раскол образованных классов российского общества усугублялся тем, что едва ли не основная идея последних русских императоров — Александра III и Николая II — состояла в том, чтобы, несмотря на урбанизацию, промышленный рост, изменения сословного состава населения и просто быстрого роста его численности, производить как можно меньше правовых и институциональных изменений, уберечься от “язвы пролетариата”, “заморозить Россию” [Леонтьев 1996, с. 246].

Но вооружение армии требовало все больших затрат, все более развитой промышленности, а значит, все большего разрастания “язвы пролетариата”. Поэтому, несмотря на субъективное желание верховной власти ничего не менять, изменения шли и достаточно быстро. *De facto* различия между престолом и статусной общественностью заключались не в выборе направления движения, а лишь в представлениях об его оптимальной скорости по одной дороге или по разным, весьма близким, но в одну и ту же сторону. Однако и этого различия хватило для того, чтобы Февральская революция смела и самодержавие, и весь строй монархической России. И не нашлось сколько-нибудь влиятельных политических сил, готовых защищать даже не лично Николая II, а всю трехвековую династию. Утверждается, что даже Синод уже через несколько дней после отречения Николая II повелел заканчивать литургию словами “Временному Правительству многая лета” [Шавельский 1954; Ардов 2006]. Однако трогательное единение, охватившее российское общество в марте 1917 г., длилось недолго и вскоре превратилось в полный раздрой, охвативший как образованные классы, так и бывшие низшие сословия новой якобы бессословной России, который трудно объяснить, исходя из идеи готовности Россию к демократической республике или хотя бы к по-настоящему конституционной монархии.

Оставим в стороне широко известные перипетии 1917 г., “двоевластие”, возвышение А. Керенского и его падение, “мятеж Л. Корнилова”, провокационные речи В. Ленина и Л. Троцкого, затянувшуюся подготовку Учредительного собрания и многое другое. Думаю, все эти события были в первую очередь фоном, расчищавшим место в путанице быстрых перемен для проявления основных противоречий дореволюционной России.

На другом полюсе русского общества шло движение не к либеральной демократии или даже либеральной автократии, а совсем в иную сторону. Реформа П. Столыпина, имевшая целью ликвидацию общинного землевладения, введение частной собственности на землю, наталкивалась на встречное желание устроить всеобщий черный передел, столь же радикально расходящийся с прошлым России, как и столыпинские преобразования. И чем ближе к центру России, тем меньше уважалась собственность, тем с большей охотой крестьяне жгли усадьбы и жаждали черного передела.

Но как же получилось, что конкурирующие между собой элиты шагали в одну сторону, а народ и народническая интеллигентская контрэлита в другую? Первая и очевидная причина — уже обсуждавшееся аграрное перенаселение. Но на аграрное перенаселение крестьянин может реагировать по-разному. Во-первых, переехать в город и стать наемным рабочим, во-вторых, использовать более эффективные методы земледелия и стараться выжать из своего клочка земли (немалого и по европейским, и тем более, по китайским нормам) как можно больший урожай и, наконец, в-третьих, не обращая внимания на право собственности, делить и переделывать все сельскохозяйственные земли “по справедливости”, то есть поровну.

Почему основным выбором стал именно третий путь? Из-за исконного русского стремления к справедливости, многократно описанного классиками русской литературы? По-моему, корни такого выбора и такого понимания справедливости заключались прежде всего в провидицейшей не один век политике династии и помещиков. Для сохранения числа налогоплательщиков и крепостных, чтобы не исключить более слабых и ограничить более сильных веками искусственно насаждалась передельная община, малохарактерная для более ранних периодов русской истории. Скорее, ее опорой служила традиция не переделов, а перемены мест, готовность расстаться с землей, уже прошедшей пик урожайности, и отправиться на поиски новых более урожайных земель (с чем ранее боролась власть, ограничивая и запрещаая переходы в Юрьев день). Наконец, в XIX в. политика правительства достигла своей цели – уравнильные переделы земли из навязанного извне правила превратились в моральную норму, более того, стали едва ли не стержнем народных представлений о справедливости². Даже в Сибири, когда население росло и начиналась нехватка земли для экстенсивного ведения хозяйства, крестьяне в основном не меняли способа хозяйствования, а начинали делить землю [Кауфман 1908; Кауфман 2011]. Но успех пришел слишком поздно, именно тогда, когда правительство успело передумать и стало ограничивать навязанные им же переделы сперва 12-летними интервалами, а в ходе “столыпинской” реформы и вовсе пыталось их ликвидировать. Обратный путь оказался очень сложен, 12-летний срок между переделами земли крестьяне приняли³, а переход к частному владению землей вызвал протест у большинства из них в центральной России как морально недопустимый⁴. В дополнение к предыдущему замечанию нельзя не добавить, что и относительно медленный темп урбанизации (по сравнению с ростом земельного голода) во многом объяснялся именно действиями правительства, смертельно боявшегося “язвы пролетариата”.

Но даже моральный императив навязанной правительством формы землевладения не объясняет, почему желание крестьян получить бесплатно всю землю из несбыточной мечты превратилось в лозунг дня, почему право собственности и весь традиционный порядок (для поддержки которого и вводились переделы) потеряли авторитет. Как правило, в ответ на этот вопрос говорят, что освобождение крестьян случилось только через век после дворянской вольности и крестьяне перестали признавать власть помещиков (потерявших моральное право получать хлеб и денежные средства крестьян после снятия с них обязанности находиться на государственной службе), продолжая надеяться лишь на царя. Возможно, такая интерпретация хорошо описывала ситуацию 1861 г., но никак не 1917 г., когда свержение царя и даже последующий бессудный расстрел царской семьи оставили холодными практически все население России, и в том числе якобы монархически настроенных крестьян.

Народнический ответ, суть которого состоит в подчеркивании роли бедности и растущем недоедании (об обоснованности такого взгляда шла речь выше), в современной историографии представленный в первую очередь в работах С. Нефедова [Нефедов 2005; Нефедов 2011], А. Островского [Островский 2013], А. Шубина [Шубин 2014] и др. Даже если он, вопреки быстрому росту народонаселения России, включает в себе часть истины, подталкивает нас в нужном направлении, но не может объяснить характер ответа крестьянства на революционную вспышку.

Поэтому, на мой взгляд, искать причины делегитимации власти и веры надо в настроениях самих крестьян и рабочих. Версия, изложенная выше, заключается в том, что

² А. Посадский отмечает, что созданная на рубеже веков источниковая база (два земско-статистических обследования за 1897–1900 гг. и др.) показывает: за 40 пореформенных лет мощный рост передельного движения стал главным показателем поиска общиной своего жизнеобеспечения в условиях нехватки земли. Первые переделы сопровождалась драками, люди ложились под сохи, в одном случае этот акт повлек 7 убийств (!), власти прибегали к арестам. Повторные переделы шли спокойнее, общинно-передельное владение легализуется, на смену вспышкам борьбы за землю приходит правовой уравнильно-передельный порядок [Посадский 2000].

³ По данным [Ливоваров 2002] двенадцатилетние интервалы между глобальными катаклизмами русской истории начала XX в. (1893–1905–1917–1929) объясняются именно сроками передела земли.

⁴ Впрочем, есть также данные опросов [Чернышев 1997], говорящие о преобладании негативного отношения к общине. Но события лета и осени 1917 г. заставляют усомниться в их релевантности.

безземелье совпало с несостоявшейся, но ожидаемой Реформацией, вызванной, как и в Европе, ростом грамотности, расширением контактов крестьян с окружающим миром, неудовлетворенностью христианско-языческим двоеверием (во многом также из-за увеличения свободного времени для абстрактных размышлений и разговоров), стремлением перейти от суеверия к религии или идеологии, от обряда к проповеди и размышлению. Очень интересные, хотя основанные, как правило, на отдельных свидетельствах и косвенных данных, исследования (см. [Посадский 2000; Поршнева 2000; Поликарпов 2008; Кирьянов 1997 и др.]) в целом подтверждают эти предположения.

Важно зафиксировать, что русская культура, органически соединяющая политические, религиозные, идеологические и философские темы с художественными, прошла едва ли не синхронный (опережающий всего на век или даже на полвека) путь к Реформации. Не вдаваясь в детали этого очень сложного явления (см. подробнее [Давыдов 2012]), можно предположить, что пушкинское творчество — стартовая точка русской литературно-философской традиции — ассоциируется с эпохой Возрождения как срединным путем (см. [Оссовская 1987]), но обогащенным опытом Реформации и Просвещения. Послепушкинский спор славянофилов и западников, несмотря на значимые отличия предметов разногласий, ассоциируется с противостоянием контрреформационных настроений (и одновременно предшествующих им традиционных и отдаленных националистических) предреформационным и реформационным, причем в крайних социальных формах. Как указывалось выше, те идеи, к которым пришли сами крестьяне в начале XX в., высказывались ранее народниками, причем не только революционно-демократического, но и славянофильского направлений. Однако до начала XX в. многочисленные отклонения от православной ортодоксии (от П. Чаадаева и А. Тургенева до В. Соловьева и Н. Федорова и др.) формулировались либо как отход от православия (чаще в сторону католицизма, чем протестантизма) или религии вообще, либо как надстройки над ним, якобы не затрагивающей ортодоксальные трактовки Писания и Предания.

Тем не менее очень трудно доказать, что русские не потеряли интерес к религии и что действительно людям требовалась настоящая вера. Социологических опросов тогда не проводилось, а самые яркие единичные примеры позволяют сделать любые выводы. Тем более, что внешние проявления, на первый взгляд, свидетельствуют, скорее, о массовой индифферентности к религии — нехождение к причастию, безразличная реакция на казнь царя, весьма вялый протест против закрытия храмов и разнузданной антирелигиозной агитации. Для сравнения представим себе, что в любой мусульманской стране (или даже в католической Польше) новая власть стала закрывать мечети (или костелы) и распространять богохульные брошюры Е. Ярославского — сколько дней такая власть могла бы продержаться?

Перечислю ряд косвенных аргументов в пользу моего предположения. Во-первых, массовая вера горожан в марксистскую квазирелигию в довоенные годы и большей части всего народа в послевоенные годы указывают, что религиозные чувства в народе не угасли, только церковь не могла их удовлетворить. Но все же это слишком косвенный аргумент, ибо настроения народа меняются, и послереволюционные, а тем более послевоенные, настроения не позволяют уверенно судить о настроениях дореволюционных. Второй аргумент — резкий рост числа сект и массовое распространение староверия, сектанства и протестантизма в предреволюционные годы. Оценка наличия в стране 25 млн староверов и сектантов, звучавшая в Государственной думе, наверняка завышена, но существование 10–15 млн староверов и сектантов может быть вполне справедливым [Никольский 1985; Юзов 1881]. Успех проповедей Иоанна Кронштадтского показывает готовность людей тех лет (вроде бы индифферентных к религии) слушать любое живое слово о Боге и спасении.

Третьим аргументом послужит неожиданная статистика, приведенная в книге Б. Миронова “...процент зарегистрированных внебрачных детей у православных снижался: он составил в 1859–1863 гг. 3,4, в 1870 г. — 3,0, в 1885 г. — 2,7, а в 1910 г. — 2,3. Итак, получается, что по мере модернизации, урбанизации и индустриализации

происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей среди православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев оно увеличивалось” [Миронов 2003, т. 1, с. 203–204]. Сам Миронов объясняет это распространением контрацепции и аборт. Не отрицая полностью их роли, я все-таки не могу согласиться с тем, что католики существенно менее сурово, чем православные осуждали внебрачные рождения. А контрацепция среди православных приобрела столь широкое распространение, что смогла переломить тенденцию. В совокупности с известным фактом ужесточения строгости нравов в России в XIX в. по сравнению с XVIII в. данная статистика, на мой взгляд, свидетельствует о сохранении или даже усилении осознания греховности прелюбодеяния, несмотря на урбанизацию и растущее отчуждение от официальной церкви.

Конечно, не надо полагать, что стремление к реформации (как в России, так и в Германии на четыре века раньше) имело сугубо религиозные мотивы. Говоря возвышенным языком, мотивом альтернативной Реформации стало не возвращение к раннехристианским нормам, а стремление к справедливости, понимаемой как всеобщее равенство. Попутно еще раз отметим, что многие течения западноевропейской Реформации (адамиты, анабаптисты, гуттериты, левеллеры, диггеры и т.д.) также включали в свои воззрения требования максимального социального равенства.

На разлитое в воздухе стремление к реформации указывает также движение с другой стороны. И руководители церкви, и общественность чувствовали необходимость если не Реформации или Возрождения с прописных букв, то по крайней мере, реформирования со строчной буквы. Деятельность церковного начальства привела к восстановлению патриаршества (и то с большим опозданием, 28 октября /10 ноября 1917 г.) и ряду других изменений в церковной жизни. В результате религиозного брожения в российском обществе «открылся ряд “Религиозно-философских обществ”»: в Москве, в Петербурге, в Киеве. В этих обществах происходили оживленные прения на самые гжучие религиозно-философские, религиозно-культурные, религиозно-общественные темы» [Бердяев 2017]. Однако общий итог религиозного брожения оказался очень скудным — единственным массовым движением было толстовство, не решавшее основную проблему крестьянства (нехватку земли), а кроме него выделялись лишь мертворожденные заумная софиология и сервильное обновленчество. В общем, еще не было ни Д. Уиклифа, ни Я. Гуса, когда были уже нужны М. Лютер и Ж. Кальвин.

И тем не менее, несмотря на потоки крови, огромные разрушения и утраты, новую религию нельзя признать полностью неуспешной. С ней уцелело российское государство почти в границах прежней империи, и (если есть смысл о ней говорить) не умерла даже сама знаменитая формула (с заменой православия на марксизм-ленинизм). Хотя век новой квазирелигии и построенной на ее основании империи был недолог, но победы и преступления по своим масштабам никак не уступали победам и преступлениям прежней власти, а причины ее падения (трансформации, угасания?) принадлежат уже иной истории.

Таким образом, эта альтернативная Реформация (полуреформация-полуотход от религии) сломали сами основания трехсотлетней истории власти династии Романовых и тысячелетней истории православной церкви, не сумевшей породить собственную Реформацию. Если пытаться поставить перелом русской истории в контекст решительных переломов в истории других стран, то он, пожалуй, займет промежуточное место между сменами династий, религиозными реформациями и переходами на другие религии, с одной стороны, и сменами цивилизаций — с другой. Ибо в 1917 г. сменились династия, социальный строй, религия, идеология, символика, персональный состав элиты. Но при этом сохранились территория, столица, тираническая (близкая к монархической) форма правления, многие российские традиции, включая общее неуважение к закону и коррупцию, основные геополитические интересы, а вскоре восстановился и агитационный исторический нарратив. А вместе с ним — и значительная часть прежнего пантеона национальных героев.

Первая мировая война и Русская революция

Сейчас становятся популярными рассуждения, повторяющие основные нити суждений П. Столыпина или П. Дурново — России необходимо 20–30 лет спокойной жизни для приучения народа к экономическим порядкам, создаваемым столыпинскими реформами, и получения плодов от этих порядков. Представляется, проведенный выше анализ дает основания для весьма жестких возражений против подобных подходов.

Прежде всего, 90-процентный результат социалистов на выборах в Учредительное собрание, массовая, едва ли не всекрестьянская (во всяком случае — в центральной части России) поддержка передела всей пахотной земли, включая столыпинские хутора и выделы, оставляла очень малые шансы на успех реформ. Идеи черного передела заражали и полукрестьянское население российских городов.

Для того чтобы повысить шансы осуществить начатые реформы, необходимы были дополнительные труднодостижимые условия — передача крестьянам и передел всей или хотя бы большей части помещичьей земли; приучение крестьян к достижениям тогдашней агротехники и остановка начинающегося экологического кризиса [Люри 1997], вызванной чрезмерной распашкой земли (переносом навыков ведения традиционного трехполья с луговыми угодьями на сплошное перманентное землепользование). Еще больше Россия нуждалась в альтернативе все шире распространяющимся социалистическим (“передельным”) взглядам, которые, несмотря на все усилия правительства и правящих сословий, никак не могли остановить ни черносотенная, ни буржуазная агитация, ни даже уважение к традиционной монархии. А православная церковь, как обсуждалось выше, не была готова предложить в короткие исторические сроки обновленный вариант православия, способный увлечь становящееся все более грамотным население.

Вполне вероятно, что даже 20 лет спокойной жизни, которые Столыпин считал условием успеха своей реформы, отнюдь не разрешили бы этих противоречий, а напротив, усугубили бы их не меньше, чем это сделало неуспешное участие России в Первой мировой войне. Более того, в свете этих рассуждений логично предположить, что реформы Столыпина, вопреки принятым представлениям, были не путем спасения от революции, а движением к ней. Военные поражения, на которые чаще всего указывают как на пролог к революции, лишь превратили медленный спуск в стремительный обвал, дискредитировав не только Николая II и его семью [Колоницкий 2010], но также всю правящую династию, освященную православной церковью и 300-летним правлением.

Поэтому выход в виде победоносной войны и распространения националистических взглядов (например, либерально-националистических в духе правых кадетов и октябристов), по-видимому, был жестоким, но вполне разумным способом переломить ситуацию. Разумеется, реальный опыт провальной Русско-японской войны, во многом способствовавший революции 1905 г., и, главное, фактический ход Первой мировой войны, приведший за короткий срок к полной дискредитации монархии вообще и Николая II с семьей и ближайшим окружением в частности, к усилению передельных и антиклерикальных настроений, а также к росту популярности крайне левых агитаторов, являются могучими аргументами против моего утверждения.

Но постараемся посмотреть на эти события и с другой стороны. Прежде всего отметим общеизвестный факт патриотического и националистического подъема в стране в первые дни войны. В едином порыве соединились монархия, либеральная оппозиция, погромщики, разгромившие германское посольство, и 96% призывников, явившихся по повесткам на призывные пункты. Сам по себе этот аргумент в реальной истории оказался очень слабым, ибо неудачный ход войны и ее тяготы (кстати, куда меньшие, чем во Франции или Германии, в основном сохранивших к 1917 г. свой боевой дух) быстро изменили настроения населения в России. Неудачная война в соответствии с прогнозами Дурново превратилась в фактор делегитимации власти и формирования революционной ситуации.

Однако есть другой российский опыт, который очень редко прикладывают к событиям 1914–1917 гг. Речь идет об опыте Второй мировой войны, точнее, ее составной

части – Великой Отечественной войны. Согласно первой официальной версии, поражения 1941–1942 гг. объяснялись недостаточной технической подготовкой к войне, нехваткой и отсталостью советской военной техники и вылились в известную каждому жителю СССР формулу “воевали с одной винтовкой на шестерых”. Однако подсчеты М. Солонина [Солонин 2013] и других авторов, даже официальные российские публикации показывают, что по количеству танков и самолетов советские войска на западной границе, то есть будущем Восточном фронте, в два–пять раз превосходили немецкие (такой разницей оценок объясняется нечеткостью сведений об исправности техники и неясностью, какие вооружения стоит учитывать, а какие – нет). Поэтому в ход пошли более тонкие соображения – о скрытых недостатках даже лучших образцов советской военной техники начального периода войны (например, лучшего советского среднего танка Т-34), о совершенстве тактики блицкрига (кстати, куда делась эта замечательная тактика в 1943–1945 гг.?), о слабости и плохой организации радиосвязи, нехватке грузовиков, броневой техники и снарядов и др.

Безусловно, все эти аргументы и подходы стоили бы особого рассмотрения (см. подробнее [Цирель 2011]), если бы темой нашего анализа была Вторая мировая война. Но для сопоставления ситуаций начала двух российско-германских войн XX в. важно другое – общая характеристика ситуации в первые месяцы нападения нацистской Германии на СССР. То есть миллионы сдавшихся в плен после первых криков “окружили”, тысячи самолетов и танков, брошенных на аэродромах и дорогах войны, массовая неявка призывников на призывные пункты в первые месяцы войны, несмотря на жесточайший сталинский режим, почти миллион “хиви” (советских вспомогательных военнослужащих германской армии), образования на оккупированной Германией территории антисоветски настроенных крестьянских республик (“Локотская республика”, республика Зуева и др.).

Не приводя длительной аргументации, основанной не на социологических данных (которых попросту не существует), а на множестве единичных свидетельств и тенденциозных документах НКВД, выскажу предположение (см. [Цирель 2011]) об изменении настроений населения СССР к 1941 г. По грубой оценке, к началу Великой Отечественной войны количество активных приверженцев большевистской Реформации, после коллективизации, жуткого голода 1933 г., репрессий 1937–1938 гг., нового массового недоедания 1939–1940 гг. [Исупов 2000] и новых репрессий уже не за мнимые политические преступления, а за мелкие нарушения трудовой дисциплины или мелкие преступления (в настоящее время в большинстве стран мира переведенные в категорию административных правонарушений) составляло приблизительно треть населения страны. В их числе остались в основном члены ВКП(б) и ее молодежной организации (комсомола), рабочие и инженеры в оборонной промышленности и тяжелой индустрии, жители столичных городов и представители наиболее угнетенных народов дореволюционной России (в первую очередь, евреи). Грубые оценки этой доли населения можно получить двумя способами. Первая – по доле городского населения перед войной – 31% [О численности... 2015]. Вторая – по доле верующих согласно забракованной переписи 1937 г. – 57% (то есть 43% неверующих [Волков 1990]). На первый взгляд, эти оценки заметно расходятся, но если учесть, что среди женщин количество верующих было существенно больше, а в число верующих в 1937 г. записывали даже агностиков, то эти оценки в отношении мужского населения оказываются весьма близки между собой. Поэтому в самом грубом приближении можно говорить о сходстве соотношения сторонников лоялистов (сторонников “старого режима” и в 1917–1918 гг. или большевистской власти в 1941–1942 гг.) и диссидентов (от откровенных противников правящего режима до людей, неприязненно-безразлично относящихся к власти и не жаждущих ее защищать) в предреволюционные и предвоенные годы.

Откровенно залезая в область догадок и альтернативной истории, выскажу предположение, что при существовавших в 1930-е гг. настроениях большинства и многочисленных экономических провалах без победы во Второй мировой войне, доставшей сверхвысокой ценой и объявленной заслугой ВКП(б), Советский Союз вряд ли протянул бы

еще 50 лет. Однако после победы подавляющее большинство забыло свои предвоенные настроения, и большевистская Реформация обрела новую жизнь, включая даже идею построения Царства Божия на Земле (коммунизма) к 1980 г.

Таким образом, на мой взгляд, вступление России в Первую мировую войну (и даже подталкивание этой войны после австро-сербского кризиса) было очень рискованным, но едва ли не единственным возможным способом спасти существующий режим вопреки логике Реформации. Маловероятные экономические успехи после реформ Столыпина вряд ли стали бы непреодолимым препятствием к революции. Отмечу, что другая почти столь же яркая реформационная революция произошла в Иране в 1978–1979 гг. после длительного периода быстрого экономического роста.

* * *

Необходимо отметить, что альтернативная реформация в отличие от настоящей Реформации не восстановила авторитет Священного Писания, а заменила одни священные книги (Библию) на другие (прежде всего “Манифест Коммунистической партии” и “Краткий курс истории ВКП(б)”). Причем эти книги читались и изучались в основном по приказу свыше, а не по собственной воле, что еще более отличает ее от настоящей Реформации. Кроме того, альтернативная Реформация во многом заменила заповеди и ценности; стремление к справедливости, понимаемое сперва как всеобщее равенство, а потом как следование указаниям начальства, уничтожили основные заповеди христианства, прежде всего – “не убивай, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего”. В стихотворении известного советского поэта Э. Багрицкого “Туберкулез” умирающему образ Ф. Дзержинского (первого главы советской тайной полиции, одного из важных святых советского иконостаса) произносит «Но если он [век, время] скажет: “Солги”, – солги. Но если он скажет: “Убей”, – убей». Хотя такой откровенный аморализм официально не пропагандировался, но явно присутствовал в советской идеологии (во всяком случае – ленинских и сталинских времен) и способствовал официальному и неофициальному одобрению многочисленных бессудных казней.

Нынешнее религиозное возрождение, о котором столько пишут в России, формально обратило в православие 70–80% населения страны, но фактически лишь приблизило ситуацию в России к самым атеистическим странам Европы, ибо минимальным критериям, отделяющим практикующих христиан (знание основных молитв, чтение Библии, посещение причастия хотя бы раз в месяц), удовлетворяют по разным оценкам от 2–3 до 5–6% населения. Таким образом, отход от новой квазирелигии – советского марксизма, не вернул население к старой религии.

Весьма интересен вопрос, как церковь сегодня, по прошествии 100 лет, оценивает свою роль в произошедшем и свою вину за неспособность ответить на духовные искания паствы и клира. Некоторый ответ на этот вопрос дает исследование Аналитического центра s-t-o-l.com [Церковь... 2017], проведшего дискурс-анализ высказываний церковных спикеров (всего 148 текстов в период с ноября 2016 по май 2017 г.). С одной стороны, среди наиболее важных проблем страны, приведших к 1917 г., 31% называют духовный кризис (оскудение/формализация православной веры/секуляризация общества, неверие в первородный грех); 26% – идеологический раскол (идеализация западной демократии, умственный блуд с идолами революции) и 13% – глубокий социальный, политический и экономический кризис, а также социальное неравенство. Это, как представляется, говорит о довольно реалистическом понимании ситуации 1917 г. С другой стороны, согласно тому же исследованию, виноватыми, по мнению церковных спикеров, чаще всего (32%) признается интеллигенция (образованное общество, либералы-западники, оппозиция), на втором месте находится наиболее реалистический, хотя и самый расплывчатый из популярных ответов (16%) – “мы все (все общество и духовенство, наши отцы и деды, весь русский народ)” и 10% взваливает вину на внешние силы (масонские спецслужбы, мировые элиты, Германия, Англия, Америка, Европа). То есть несмотря на достаточно реалистическое понимание предреволюционных проблем страны, представление о собственной вине в произошедшем мало распространено в церковной среде и

либо переносится на смутьянов-атеистов, либо растворяется в общей вине всего общества. Даже на прошедшем в конце июля 2017 г. собрании наиболее либеральных православных деятелей [Рудакова 2017; Мельников 2017] лишь очень немногие говорили о вине самой церкви; большей популярностью пользовались идеи о вине интеллигенции, иностранных держав, инородцев и т.д.

В то же время, глядя на ситуацию с позиций неверующего или неправославного человека, трудно не прийти к выводу, что гипотетическая православная Реформация непременно надвигалась на страну и, возможно, была бы для нее благом или меньшим бедствием, чем реальная революция 1917 г. При этом, строя различные гипотезы о возможном содержании настоящей православной Реформации, нетрудно заметить, что наиболее массовыми силами стали бы либо черносотенные, по существу протофашистские, либо толстовские, ведшие хозяйство страны к архаике, либо сектантские (раскольничьи, протестантские и квазипротестантские), ведшие к разделению народа, а гипотетическая борьба между ними всеми могла бы в конечном счете обернуться не менее страшной гражданской войной, чем та, что произошла в реальной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардов М. (2006) Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. Узелки на память. М.: Собрание.
- Бердяев Н. А. (2017) Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал “Путь” (К десятилетию “Пути”). 1935 (http://sbiblio.com/biblio/archive/berdjaev_russkiy/).
- Волков А.Г. (1990) Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда. История и материалы // Экспресс-информация. Серия “История статистики”. Выпуск 3-5 (часть II). 1990. С. 6–63 (http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html).
- Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия (2014) М.: Российская политическая энциклопедия.
- Давыдов А.П. (2012) Неполитический либерализм в России. М.: Фонд “Либеральная миссия”; Мысль.
- Давыдов М.А. (2016) Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. СПб.: Алетейя.
- Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. (2008) Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф.
- Исупов В.А. (2000) Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кауфман А.А. (2011) Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг. М.: URSS.
- Кауфман А.А. (1908) Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина.
- Кирьянов Ю.И. (1997) Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917. СПб.: “Русско-Балтийский информационный центр Блиц”. С. 55–76.
- Колоницкий Б.И. (2010) “Трагическая эротика”: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение.
- Леонтьев К. (1996) Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. М.: Республика.
- Люри Д. И. (1997) Развитие ресурсопользования и экологические кризисы. М.: Дельта.
- Мельников А. (2017) “Еврейский холокост был куда более скромнен, чем русский холокост” (http://www.ng.ru/ng_religii/2017-08-02/11_425_holokost.html).
- Милюков П.Н. (1994) Очерки по истории русской культуры. Т. 2. 1 часть. М.: Прогресс-Культура.
- Миронов Б.Н. (2012) Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М.: Весь мир.
- Миронов Б. Н. (2003) Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дм. Буланин.
- Монтанари М. (2009) Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Alexandria.
- Нефедов С.А. (2011) История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: Территория будущего.

Нефедов С.А. (2005) Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV—начало XX века. Екатеринбург: Уральский государственный горный университет.

Нефедов С.А. (2014) Роковая ошибка. По поводу использования Б.Н. Мироновым антропометрических данных новобранцев // Новейшая история России. №3. С. 110—115.

Никольский Н.М. (1985) История русской церкви. М.: Политиздат.

О причинах Русской революции (2010) Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ.

О численности населения СССР. Секретная записка в Совет Министров СССР (2015) Демоскоп Weekly № 655—656 21 сентября — 4 октября (<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/axiv06.php>).

Оссовская М. (1987) Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс.

Островский А.В. (2013) Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб.: Полторак.

Пивоваров Ю. (2002) Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. № 3. С. 23—50.

Поликарпов В.В. (2008) От Цусимы к Февралю. М.: Индрик.

Поршнева О.С. (2000) Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914—1918). Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: Издательство УГУ.

Посадский А.В. (2000) Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития (стереотипы сознания и поведения саратовского крестьянства, 1861—1920 гг.) // Социологические исследования. № 4. С. 83—92.

Рашин А.Г. (1956) Население России За 100 лет. М.: Госстатиздат.

Рудакова С. (2017) Революция как личный опыт? Аналитический центр s-t-o-l.com (<https://s-t-o-l.com/gosudarstvo-i-chelovek/revolyutsiya-kak-lichnyj-opyt/>).

Солонин М. (2013) Июнь 41-го. Окончательный диагноз. М.: Язуз; Эксмо.

Церковь о революции (2017) Исследование медиа-дискурса. Аналитический центр s-t-o-l.com https://s-t-o-l.com/wp-content/uploads/2017/08/compressed_1253991111.pdf).

Цирель С.В. (2011) Великая Отечественная война спасла Советский Союз? // Знамя. № 5. С. 175—184.

Цымбурский В.Л. (2007). “Городская революция” и будущее идеологий в России. Цивилизационный смысл большевизма // “Русский журнал”. С. 4—10 (http://www.intelros.org/books/rythm_gos_2.htm).

Чернышев И.В. (1997) Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. К вопросу об общине. М.: Фонд “Начало”.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота (1954) Нью-Йорк: Изд. им. Чехова (http://www.e-reading.club/bookreader.php/64405/Shavel%27skiii_-_Vospominaniya_poslednego_Protopresvitera_Russkoi_Armii_i_Flota_%28Tom_1%29.html).

Шубин А.В. (2014) Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО “Родина МЕДИА”.

Юзов И.И. (1881) Русские диссиденты — староверы и духовные христиане. СПб.: Б/и (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a3/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8B_%D0%B8_%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%85%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B5_1881_-_rs101003546546-.PDF).

Rohrmoser G. (1989) Religion und Politics in der Krise der Modern. Graz: Styria.

Russian Revolution as an Alternative of Christian Reformation

S. TSIREL*

*Tsirel Sergey – Principal Research Scientist of Saint-Petersburg Mining University. Address: 2, 21st Line, St. Petersburg 199106, Russia. E-mail: tsirel58@gmail.com

Abstract

Russian revolution of 1917 was by the nature reformational as the Netherlands or English Revolutions 16-17th centuries or Iranian Revolution in 1979. However because of unavailability of Orthodox church to reformation Christian renewal did not become the main idea of revolution. Coincidence of the periods of transition of the country to mass literacy and sharp reduction of land allotment (because of growth of the population of the country) led to the fact that redistribution of the land and other property became the main quasireligious idea. Despite formation of a set of religious movements and religious sects, the new quasireligious idea led to a dechristianization of the country and destruction of all social order. Therefore Stolypin's reform on creation of a private property on the land, most likely, was not protection against revolution, but approach to it as her main idea contradicted moods of both the lowest estates, and the intellectuals of the central part of Russia. At the same time participation of Russia in World War I was risky, but, apparently, in the unique way to replace a social protest with fumes of nationalism. However military defeats turned slow descent into a prompt collapse. They discredited not only an imperial family and church hierarchs, but also all system of the social system of Russia, from a private property to the monarchic power.

Keywords: The Russian revolution, dechristianization, the Reformation, literacy growth, shortage of the arable land, the partition of the land, protest against a private property, World War I, Stolypin's reform.

REFERENCES

- Ardov M. (2006) *Melochi arhi..., proto... i prosto ierejskoj zhizni. Uzelki na pamjat'* [Arkha trifles..., proto... and just iereysky life. Small knots for memory]. Moscow: Sobranie.
- Berdjaev N.A. (2017) *Russkij duhovnyj renessans nachala XX v. i zhurnal "Put'" (K desjatiletiju "Puti"), 1935* [The Russian spiritual Renaissance of the beginning of the 20th century and the Put magazine (By a decade of "Way"), 1935] (http://sbiblio.com/biblio/archive/berdjaev_russkiy/).
- Chernyshev I.V. (1997) *Agrarno-krest'janskaja politika Rossii za 150 let. Krest'jane ob obshhine nakanune 9 nojabrja 1906 goda. K voprosu ob obshhine* [Agrarian and country policy of Russia in 150 years. Peasants about a community on the eve of November 9, 1906. To a question of a community]. Moscow: Fond "Nachalo".
- Davydov A.P. (2012) *Nepoliticheskiy liberalizm v Rossii* [Non-political liberalism in Russia]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", Mysl'.
- Davydov M.A. (2016) *Dvadsat' let do Velikoy vojny: rossijskaya modernizaciya Vitte-Stolypina* [Twenty years before Great war: Russian modernization of Witte-Stolypin]. St. Petersburg: Aleteya.
- Isupov V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic accidents and crises in Russia in the first half of the 20th century. Historical and demographic sketches]. Novosibirsk: Sibirskij khronograf.
- Juzov I.I. (1881) *Russkie dissidenty – starovery i duhovnye hristiane* [The Russian dissidents are conservatives and spiritual Christians]. St-Petersburg: B/i (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a3/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8B_%D0%B8_%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%85%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B5_1881_-rsl01003546546-.PDF).
- Kaufman A.A. (2011) *Krest'janskaja obshhina v Sibiri: Po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [A country community in Siberia: On local researches of 1886–1892]. Moscow: URSS.
- Kaufman A.A. (1908) *Russkaja obshhina v processe ee zarozhdenija i rosta* [The Russian community in the course of its origin and growth]. Moscow: Tipografiya t-va I.D. Sytina.
- Kir'yanov Ju.I. (1997) *Mentalitet rabochih Rossii na rubezhe XIX – XX v. Rabochie i intelligencija Rossii v jepohu reform i revolucij. 1861 – fevral' 1917* [Mentality of workers of Russia at a boundary of the XIX–XX

century. Workers and the intellectuals of Russia during an era of reforms and revolutions]. 1861 – February, 1917]. St. Petersburg: Russko-Baltiyski informatsionny tsentr “Blits”, pp. 55–76.

Kolonitskiy B. (2010) *“Tragicheskaya erotika”: Obrazy imperatorskoy sem’i v gody Pervoy mirovoy voyny* [“A tragic sensuality”: Images of an imperial family in the years of World War I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Leont’ev K. (1996) Vizantizm i slavjanstvo [Vizantism and Slavic peoples]. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo*. Moscow: Respublika, pp. 94–155.

Lyuri D.I. (1997) *Razvitiye resursopol’zovaniya i ekologicheskie krizisy* [Development of resource use and ecological crises]. Moscow: Del’ta.

Mel’nikov A. (2017) *“Evreyskiy holokost byl kuda bolee skromen, chem russky holokost”* [“The Jewish Holocaust was much more modest, than the Russian Holocaust”] (http://www.ng.ru/ng_religii/2017-08-02/11_425_holokost.html).

Milyukov P.N. (1994) *Ocherki po istorii russkoy kul’tury*. T. 2. 1 chast’ [Sketches on stories of the Russian culture. Vol. 2, part 1]. Moscow: Progress-Kul’tura.

Mironov B.N. (2012) *Blagosostojanie naseleniya i revolyucii v imperskoy Rossii. XVIII–nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolution in imperial Russia. XVIII – the beginning of the 20th century]. Moscow: Ves’ mir.

Mironov B.N. (2003) *Social’naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem’i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. V 2 t. [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII – the beginning of the 20th century): Genesis of the personality, democratic family, civil society and constitutional state: In 2 v.]. St. Petersburg: Dm. Bulanin.

Montanari M. (2009) *Golod i izobilie. Istorija pitanija v Evrope* [Hunger and abundance. Food history in Europe]. St. Petersburg: Alexandria.

Nefedov S.A. (2005) *Demograficheski-strukturnyj analiz social’no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konec XV – nachalo XX veka* [Demographic and structural analysis of social and economic history of Russia. The end of XV–the beginning of the 20th century]. Ekaterinburg: Ural’skiy gos. gornyy univer.

Nefedov S.A. (2014) Rokovaya oshibka. Po povodu ispol’zovaniya B.N. Mironovym antropometricheskikh dannykh novobrancev [Fatal flaw. Concerning use of anthropometrical these recruits by B. N. Mironov]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3, pp. 110–115.

Nefedov S.A. (2011). *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz*. V 2 t. [History of Russia. Factorial analysis. In 2 vol.]. Moscow: Territorija budushhego.

Nikol’skiy N.M. (1985) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian church]. Moscow: Politizdat.

O chislennosti naselenija SSSR. Sekretnaja zapiska v Sovet Ministrov SSSR (2015) [About population of the USSR. A confidential note in Council Ministrov of the USSR]. *The Demoscope Weekly*, no. 655–656 on September 21 – on October 4, 2015] (<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/arkiv06.php>).

O prichinah Russkoy revolyutsii (2010) Otvetstvennye red. L. E. Grinin, A. V. Korotayev, S.Yu. Malkov [About the reasons of the Russian revolution. Responsible editions L. E. Grinin, A. V. Korotayev, S.Yu. Malkov]. Moscow: Izd-vo LKI.

Ossowskaya M. (1987) *Rytsar’ i burzhua* [Knight and bourgeois]. Moscow: Progress.

Ostrovskiy A.V. (2013) *Proctsvetala li Rossija nakanune Pervoy mirovoj voyny?* [Whether Russia on the eve of World War I prospered?]. St. Petersburg: Poltorak.

Pivovarov Ju. (2002) Russkaya politicheskaya kul’tura i political culture (Obshchestvo, vlast’, Lenin) [Russian political culture and political culture (Society, power, Lenin)]. *Pro et Contra*, no. 3, pp. 23–50.

Polikarpov V.V. (2008) *Ot Cusimy k Fevralyu* [From Tsushima by February]. Moscow: Indrik.

Porshneva O. S. (2000) *Mentalitet i social’noe povedenie rabochih, krest’yan i soldat Possii v period pervoy mirovoj voynu (1914–1918)*. Dis. ... d-ra ist. nauk [Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during World War I (1914–1918). Thesis]. Ekaterinburg, izd. UGU.

Posadskiy A.V. (2000) Dialektika obshhnogo i individual’nogo na predele ekstensivnogo razvitiya (stereotipy soznaniya i povedeniya saratovskogo krest’yanstva, 1861–1920 gg.) [Dialectics of extensive development, communal and individual on limit (stereotypes of consciousness and behavior of the Saratov peasantry, 1861–1920)]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 83–92.

Rashin A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let* [Naseleniye of Russia in 100 years]. Moscow: Gosstatizdat.

Rohrmoser G. (1989) *Religion und Politics in der Krise der Modern*. Graz: Styria.

Rudakova S. (2017) *Revoljuciya kak lichnyy opyt?* [Revolution as personal experience?]. Analiticheskij centr s-t-o-l.com (<https://gosudarstvo-i-chelovek/revolyuciya-kak-lichnyj-opyt/>).

Shavel’skiy G.I. (1954) *Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and fleet] New York: izd. im. Chehova (<http://www.e-reading>).

club/bookreader.php/64405/Shavel%27skii_-_Vospominaniya_poslednego_Protopresvitera_Russkoi_Armii_i_Flota_%28Tom_1%29.html).

Shubin A.V. (2014) *Velikaya Rossijskaya revolyuciya: ot Fevralya k Oktyabru 1917 goda* [Great Russian revolution: of February by October, 1917]. Moscow: OOO “Rodina MEDIA”.

Solonin M. (2013) *Ijun’ 41-go. Okonchatel’nyj diaгноz* [June of the 41st. Final diagnosis]. Moscow: Jauza; Eksmo.

Solov’ev Ju.B. (1990) *Samoderzhavie i dvoryanstvo v 1907–1914 gg.* [Autocracy and the nobility in 1907–1914]. . Leningrad: Nauka.

Tserkov’ o revoljucii. 2017. Issledovanie media-diskursa. Analiticheskiy centr s-t-o-l.com. [Church about revolution. Media discourse research. Analytical center s-t-o-l.com.] (https://s-t-o-l.com/wp-content/uploads/2017/08/compressed_1253991111.pdf).

Tsirel’ S.V. (2011) Velikaya Otechestvennaya vojna spasla Sovetskij Sojuz? [The Great Patriotic War saved the Soviet Union?]. *Znamja*, no. 5, pp. 175–184.

Tymburskiy V.L. (2007) “Gorodskaya revoljuciya” i budushee ideologij v Rossii. Civilizacionniy smysl bol’shevizma. [The “city revolution” and the future of ideologies in Russia. Civilization sense of the Bolshevism]. *Russkij zhurnal*, pp. 4–10 (http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm).

Volkov A.G. (1990) Perepis’ naseleniya 1937 goda: vymysly i pravda. Istoriya i materialy [Population census of 1937: fictions and truth. History and materials/express information. Statistics History series]. *Ekspress-informaciya. Serija “Istoriya statistiki”*. Vyp. 3-5 (chast’ II), pp. 6–63 (http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html).

Vserossijskoe Uchreditel’noe sobranie. Enciklopediya (2014) [All-Russian Constituent assembly. Encyclopedia]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya.

Zhukocky V.D., Zhukockaya Z.R. (2008) *Russkaya Reformaciya XX veka: stat’i po kul’turosofi sovetizma* [Russian Reformation of the XX century: articles on sovietism kulturosofiya]. Moscow: Novyy hronograf.

© С. Цирель, 2018